

Религиозные концепты
в древнеанглийской традиции *

А. В. Проскурина

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Освещаются вопросы принятия англосаксами западного христианства и, как следствие, смены (религиозной) картины мира. Так, например, автором показано, что фактор трансляции информации, исключая языческие коннотации, повлиял на выбор лексемы *cross* (крест) в английской христианской культуре. Однако вера в языческих богов не была размыта полностью под влиянием евангелизации, о чем свидетельствует продолжающаяся отсылка генеалогии предков к верховному богу Водену. Показано, что древнеанглийский бестиарий, в отличие от остальных бестиариев, не представляет собой обширное описание различных живых и неживых существ, но в нем сохранился главный посыл «Физиолога» – описание вида живого / неживого существа с точки зрения христианского нравоучения.

Ключевые слова: англосаксы, христианство, грех, концепт, вера, бестиарий.

УДК 81'01

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Контактная информация: Проскурина Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета НГТУ (пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия, a.vyacheslavovna@gmail.com)

В литературе насчитывается свыше 150 bestiариев, различных территориальными особенностями, в основе которых лежат отличительные мифологизированные повествования. Bestиарии представляют собой свод статей, описывающих тот или иной вид животного с точки зрения нравоведения. Так, в христианских bestiариях звери могут считаться божественным творением или иметь дьявольское происхождение. Исходя из этого традиционного деления мира смысловая нагрузка bestiария заключается в жестком разграничении характерных деяний Бога и Дьявола посредством аллегорических вымышленных рассказов.

Как известно, греческий трактат «Физиолог», относящийся ко II–III вв., является основой для последующих bestiариев. Страницы данного александрийского трактата повествуют о различных мифических и реально существующих животных, птиц, а также о волшебных камнях. Популярность этого трактата способствовала его переводу на латинский язык к IV–V вв. «Физиолог» стал широко известен в Западной Европе к IX–X вв. [Dines, 2007, p. 37]. Следовательно, такая известность трактата обусловлена именно его переводом на латинский язык. Так, неизвестный автор перевел фрагмент этого перевода на древнеанглийский язык. Этот фрагмент дошел до наших дней в составе поэтического сборника X в. *The Exeter Book*. Перевод включает в себя следующие три поэмы (либо, как принято считать, это одна поэма, состоящая из трех частей): *The Panther* («Пантера»), олицетворяющая Христа, *The Whale* («Кит»), представленный как образ Дьявола, и *The Partridge* («Куропатка») [Old English shorter poems, 2012, p. 14]. Данную поучительную поэму исследователи относят, как правило, к периоду с конца IX до середины или к конца X в., следовательно, этот bestiарий по праву считается самой ранней версией «Физиолога» в Англии [Rossi-Reder, 1999, p. 462]. Таким образом, как можно заметить, древнеанглийский bestiарий, в отличие от остальных bestiариев, не представляет собой обширное описание различных живых и неживых существ, однако в нем сохранился главный посыл «Физиолога» – описание вида живого / неживого существа с точки зрения христианского нравоведения.

Следует также отметить интересный факт в именовании дальнейших вариантов свода статей, описывающих тот или иной вид животного с точки зрения христианского нравоведения: ученые-филологи, чьим родным языком является английский, называют такой свод «bestиарием», тогда как их европейские коллеги продолжают использовать название «Физиолог» [Кау, 2016, p. 118]. Интерес к греческому трактату «Физиолог» мог быть вызван тем, что животный и растительный миры, в нем описанные,

отражают идею христианских моральных ценностей, следовать которым должен каждый верующий человек. «В “Физиологе” толкования доминируют и определяют характер поведения зверей. А поскольку в толкованиях раскрываются смыслы Откровения, либо звучат нравственные поучения, то “звери”, иллюстрируя новые идеи, выполняют необычные для себя функции, что автоматически переводит их в категорию символов» [Юрченко, 2001, с. 7]. Отсюда следует, что и «Физиолог», и последующие bestiarii представляют собой закодированный сборник ответов на имеющиеся у исповедующего христианство человека вопросы, относительно религиозно-нравственных установок.

Итак, что же означают эти религиозно-нравственные установки? Они означают осознанный выбор, основанный на истинной вере, между божественным и дьявольским началом. Так, Н. С. Трубецкой, ссылаясь на гипотезу А. Мейе, утверждает следующее: «При таких условиях весьма вероятным становится предположение А. Мейе о тождестве славянского глагола *вѣрити* с авестийским *vaṇauiiti*, означающим также “верить”, но имевшим первоначальное значение “выбирать”, так как, по учению Заратустры, истинно верующий есть тот, который сделал правильный “выбор” между добрым богом (Ормаздом) и злым (Ариманом)» [Степанов, 2004а, с. 407]). Академик Ю. С. Степанов о концепте *ВЕРА* говорит следующее: «Архаические жреческие ритуалы, в том их виде, например, как они представлены в “Ведах”, могут рассматриваться как аппроксимация к этой схеме – процесс упрашивания бога наподобие постепенного раскачивания маятника со все большей амплитудой, в результате чего просящий обязуется нечто сделать для бога, а бог, в свою очередь, “внушает доверие” просящему, и у просящего возникает “вера” в то, что просимое будет исполнено. Сама же “Вера” (так же, как “Слово”, “Слава”, “Любовь” и некоторые др. духовные концепты) предстает при этом как некая автономия, независимая от агентов А и Б, от говорящего и слушающего, от просящего и адресата прошения, от человека и от божества, – “плотная” сущность, могущая быть предметом передачи от одного к другому» [Там же, с. 406]. Следовательно, неверующим человеком может быть назван тот, кто не только совершает постыдные для церкви дела, но также и тот, кто не верит в само божественное существование. «Религиозный опыт христианина основывается на подражании Христу как образцу, на литургическом повторении жизни, смерти, воскресения Господа и на одновременности жизни христианина и того времени, которое начинается с рождения в Вифлееме и временно завершается Вознесением» [Элиаде, 2010, с. 168].

Позволим себе небольшое отступление в исторический экскурс. В первой половине VII в. на остров Британия, а именно в королевство англов Нортумбрию через ирландских миссионеров (Церковь в Ирландии была утверждена уже в V в.) проникло христианство и, как следствие, латинский алфавит и латинская книжная культура. Однако не будем забывать,

что помимо ирландских миссионеров евангелизацией язычников занималась и римско-католическая миссия. Следует отметить, что оформленная Церковь в Ирландии отличалась от римско-католической в плане строгости организационной структуры в силу сильного влияния монашества в Ирландии, а также в плане даты празднования Святой Пасхи.

Религиозное разделение мира на «сакральное» и «мирское» привело к разделению деяний человека на «греховные» и «не греховные». Коль скоро христианство было принято в качестве основной религии на острове Британия, то с тех самых пор каждодневные действия человека рассматриваются сквозь религиозную призму на существование так называемой греховности, поскольку христианская модель религии подразумевает тесную связь не вымоленных грехов умершего с местом пребывания его души после смерти. Христианское учение о спасении души зиждется на идее обретения человеком Царства небесного посредством отказа от греховной жизни. В этом случае популярность bestiaries среди верующих вполне объяснена, поскольку, как было отмечено, эти своды статей отражают идею христианских моральных ценностей, следовать которым должен каждый верующий человек.

Обратимся вновь к древнеанглийской поэме IX–X вв., состоящей из трех взаимодополняющих частей: *The Panther*, *The Whale* и *The Partridge*. В первой части данного поэтического текста повествуется о Христе, представленном в образе пантеры, вторая часть проливает свет на образ Дьявола – кита, и, так же как и в третьей части, упоминаются грешники и их дальнейшая участь. Выбор неизвестным поэтом именно этих живых существ был неслучайным, ведь они представляют собой обитателей трех стихий, созданных Богом: земля (пантера), вода (кит), воздух (птица). Три части одной поэмы символизируют смерть Христа во спасение людей и Его воскресение. Так, в *The Panther* символично повествуется о смерти Христа, Его сошествии в Ад и воскресении из мертвых. В части *The Whale* рассказывается о душах грешников, попадающих в Ад. В заключительной части поэмы *The Partridge* описывается день страшного суда, когда души грешников и праведников предстанут перед Богом [Rossi-Reder, 1999, p. 467]. «Как сказано в Библии, “и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их” (МФ. 1:21). Следовательно, Богочеловек Иисус – это Христос, Спаситель, приносящий с собой новое, исправленное состояние всего мирового бытия, посредник между Небом и Землей. В христианстве сам факт Боговоплощения понимается как обязательное признание полноценного присутствия “небесного” в “земном”, абсолютно-раннего влиятельного христианского богослова Иринея, который проводил параллель между Адамом и Иисусом Христом, Ветхим и Новым Заветами. Он считал, что Иисус Христос представляет собой продолжение и завершение дела Адама, которое было прервано его грехопадением. «Христос

повторяет экзистенциальный путь Адама, дабы избавить человечество от последствий греха. Но если Адам – это прототип падшего человечества, обреченного на смерть, то Христос – это создатель и идеальный представитель нового человечества, благословленного обещанием бессмертия. Ириной ищет и находит антитезы-параллели между Адамом и Христом: первый сотворен из нетронутой земли, второй рожден девственницей; Адам ослушивается и ест плод запретного дерева, Христос повинуется и приносит себя в жертву на древе-Кресте и т. п.» [Элиаде, 2009, с. 457–458].

Стоит снова обратиться к христианизации острова Британия, поскольку это прольет свет на дельнейшее представление образа Иисуса Христа в традиции. Несомненно, проповедование новой веры не протекало радужно для англосаксов, привыкших молиться иным богам, поскольку представляло собой скорее психологический надлом в силу отказа от привычного представления о мире. Англосаксы представляли мир как митгард и утгард. Обратимся к их пониманию центра мира (*midjan-gardaz букв. «срединное огороженное место»). Так, Ю. С. Степанов говорит, ссылаясь на своего ученика С. Г. Проскурина, что центр мира древних германцев отмечается «мировым деревом ясенем» Yggdrasil в северогерманской (скандинавской) мифологии, столпом Imminsul в центральногерманской мифологии, высокой горой (где живут боги-асы Asgardr) в скандинавской мифологии. С. Г. Проскурин отмечает германское слово *midjan-gardaz со значением «средний мир» (которое буквально прочитывается, по С. Г. Проскуруину, как «центр», «середина мира») как коррелирующее более с «горизонтальным» представлением о мире, где срединной части, обжитой людьми (мидгард), противопоставляются отдельные и пугающие миры, обиталища богов и демонов (утгард) [Степанов, 2004а, с. 93; Проскурин, 1990].

Наиболее почитаемыми богами для германцев были Воден (верховный бог) и его сыновья Тюр (бог воинской доблести) и Тор (бог грома и бури). Примечательно, что в свое время Якоб Гримм отмечал (см.: [Grimm, 1844–1854]), что Христос воспринимался на ранних этапах христианизации в качестве древнегерманского бога бурь, грома и плодородия Тора, в снаряжение которого входил молот Мьельнир. При этом молот имитирует крест. Заметим также, что в процессе христианизации слова со значением «дерево-крест», отсылающим к языческой картине мира, замещаются нейтральным заимствованием «cross» («крест»), не имеющим языческих коннотаций. В настоящий момент обсуждаются три источника заимствования слова «cross»: 1) «сгух» (латинское слово); 2) «сгос» (нормандское слово, ранее заимствованное из латыни, «сгух»); 3) «сгос» (ирландское слово, которое вошло в словарный состав английского языка благодаря ирландским миссионерам) (см.: [Crystal, 2004, p. 31]). Фактор передачи информации,

исключающий языческие коннотации, повлиял на выбор самого слова «cross» («крест») в английской христианской культуре.

Что касается одного из самых почитаемых асов – Водене, то заметим, что у германцев была тенденция воздвижения имен предков к этому верховному богу, даже после принятия Христианства. Таким образом они стремились показать, что Воден является прародителем их народа. Приведем фрагмент записи от A.D. 855 «Англосаксонских хроник», в котором представлен перечень имен, восходящий и к Водену, и к Адаму, и к Христу:

<...> On se Eþelwulf wæs Ecgbrehting, Ecgbryht Ealhmunding, Ealhmund Eafing, Eafa Eopping, Eoppa Ingilding; Ingild wæs Ines broþur Westseaxna cuninges, þæs þe eft ferde to Sancte Petre 7 þær eft his feorh gesealde; 7 hie wæron Cenredes suna, Cenred wæs Ceolwalding, Ceolwald Cuþaing, Cuþa Cuþwining, CuþwineCeaulining, Ceawlin Cynricing, Cynric Cerdicing, Cerdic Elesing, Elesa Esling, Esla Giwising, Giwis Wiging, Wig Freawining, Freawine Friþogaring, Friþogar Bronding, Brond Beldæging, Beldæg Wodening, Woden Friþowalding, Friþuwald Freawining, Frealaf Friþuwulfing, Friþuwulf Finning, Fin Godwulfing, Godwulf Geating, Geat Tætwaing, Tætwa Beawing, Beaw Sceldwaing, Sceldwea Heremoding, Heremod Itermoning, Itermon Hraþraing, se wæs geboren in þære earce: Noe, Lamach, Matusalem, Enoh, Iaered, Maleel, Camon, Enos, Sed, Adam primus homo et pater noster est Christus, Amen <...> [The Anglo-Saxon Chronicle : An Electronic Edition (Vol. 5) literary edition].

<...> И Этельвульф был сыном Эгбрюхта, Эгбрюхт – Эалхмунда, Эалхмунд – Эавы, Эава – Эоппы, Эоппа – Ингильда; Ингильд был братом Ины <...> и они были сыновьями Кенреды, Кенреда – Кеолвальда, Кеолвальд – Кюты, Кюта – Кютвина, Кютвин – Кеавлина, Кеавлин – Кюнрика, Кюнрик – Кердика, Кердик – Элеса, Элеса – Эслы, Эсла – Гевиса, Гевис – Виги, Вига – Фреавина, Фреавине – Фритогаара, Фритогар – Бронда, Бронд – Баелдея, Баелдей – Воден, Воден – Фритовульфа, Фритовульф – Финна, Финн – Годвульфа, Годвульф – Геаты, Геата – Тетвы, Тетва – Беавы, Беава – Скельдвеза, Скельдвей – Херемода, Херемод – Итермона, Итермон – Хатры, Хатра – Хвалы, Хвала – Бедвия, Бедвий – Скеафа, который был сыном Ноя, он был рожден в ковчеге Ноя; Ламех, Мафусал, Енох, Сиф, Адам – первый человек; и Отец наш – Христос. Аминь <...>).

Следовательно, вера в языческих богов не была размыта полностью под влиянием миссионерской деятельности. Об этом, кстати, свидетельствуют записи «Англосаксонских хроник», в которых вкраплено имя верховного бога англосаксов, например, записи от 449, 552, 597, 626 гг. (см. об этом более подробно: [Проскурина, 2013; Проскурин, Проскурина, 2014]).

За всю историю христианства образ Иисуса Христа представлялся поразному. Возможно, такое различное изображение Бога связано с эвфемизацией, т. е. со стремлением не упоминать Его имени всуе. С. Г. Проску-

рин отмечает, что ранние христиане изображали Его в виде рыбы, так как этот образ был «ближе всего создателям новозаветных евангелий на древнегреческом языке, а также более раннему переводу “семидесяти толковников” (Септуагинте), т. е. древнегреческому дискурсу, поскольку соотносился как анаграмма или как сокращенная запись, акростих об Иисусе Христе на древнегреческом со словом ΙΧΘΥΣ – “рыба”» [Проскурин, 2013, с. 175–176]. Далее, начиная примерно с V в., распятие начинает использоваться в качестве предмета культа. До появления романского стиля (XI–XII вв.) крест рассматривался как символ воскрешения, а не как знак страданий Иисуса. Затем, до середины XII в., Христос изображался торжествующим, с абсолютно спокойным выражением лица. Однако после XII в. в Его облике начинают проследиваться черты страдальца, которые к середине XIV в. окончательно закрепляются на последующие века. Именно с этого периода образ Иисуса Христа предстает в качестве измученного страданиями человека [Проскурин, Центнер, 2014, с. 51–52]. Следовательно, смена одного образа Христа другим представляет собой эволюционный семиотический ряд. «В такой ряд мы группируем предметы культуры, “вещи”, они связаны отношениями метаморфизма – более поздний замещает собой более ранний тем, что выполняет его функцию или (а иногда и одновременно с функцией) перенимает его форму. Естественно, что “вещь” в прямом смысле слова – не концепт, он она, как уже указано, воплощает концепт, служит его *знаком*, что и дает основание называть такой ряд эволюционно-семиотическим. В прямом смысле при этом эволюционируют именно концепты – представления людей о том, какой *должна быть* соответствующая вещь, и замыслы тех, кто производит эту вещь (планы, дизайны)» [Степанов, 2004б, с. 11]. Представим схематично эволюционно-семиотический ряд наиболее известных образов Иисуса Христа в период первого упоминания анаграммы Христа первыми христианами до XIV в.: слово ΙΧΘΥΣ – «рыба» → Тор (с молотом Мьельнир) → возрождение Христа из мертвых → Иисус как пантера → Христос торжествующий → Иисус Христос как страдалец. Мирча Элиаде так определяет образ Иисуса Христа в традиции: «...возвещающая всему миру о божественности Иисуса Христа, первые христиане подразумевали его трансисторизм. Это не означало, что Иисус не рассматривался в качестве лица исторического, но прежде всего подчеркивалось, что он был Сын Бога, всеобщий Спаситель, даровавший искупление не только роду человеческому, но и всей Природе. Более того, историческая подлинность личности Иисуса трансцендентно преодолевается его вознесением на небо и его приобщением к божественной славе» [Элиаде, 2010, с. 167].

Возвращаясь к древнеанглийской поэме, стоит еще раз обратить внимание на фигуру Христа, аллегорически представленной в образе пантеры. Здесь говорится о том, что всемилостивый Христос, любящий все живые существа, за исключением дьявола, сошел в ад и на третий день воскрес.

Интересна сюжетная отсылка к трем дням (ночам), что проводит во сне пантера (см. строки с 35 по 54), а далее описывается ее пробуждение, таким образом, это описание – символическое повествование о смерти Христа и Его воскресении. Это небольшое нравоучительное повествование дел Господа Бога следует в самом конце поэмы, тем самым проводя параллель между образами Христа и пантеры (здесь и далее оригинал текста представлен по: [Old English shorter poems, 2012]; перевод на русский язык наш. – А. П.).

35 Symle, fylle fægen, þonne fōddor þigeð,
æfter þām gereordum ræste sēced,
dýgle stōwe under dūnscreafum;
ðær se þeo[d]wiga þrēonihta fæc
swifed on swe[o]fote, slæpe gebiesga[d].
40 Þonne ellenrōf ūp āstonded,
þrymme gewelga[d], on þone þridan dæg,
snēome of slæpe. Swēghlēoþor cymeð,
wōþa wynsumast, þurh þæs wildres mūd;
æfter pære stefne stenc ūt cymeð
45 of þām wongstede – wynsumra stēam,
swēttra and swīþra, swæcca gehwylcum,
wyrta blōstmum and wudublēdum,
eallum æþelīcra corþan fræt[w]um].
Þonne of ceastrum and cynestōlum
50 and of burgsalum beornþrēat monig
farað foldwegum folca þrýþum;
ēoredcystum, ofestum gefýsde,
dareðlācende – dēor [s]wā some –
æfter þære stefne on þone stenc farað.

35 Когда животное примет пищу, то после этого оно, удовлетворенное от еды, всегда выискивает себе укромное, глубокое место в пещерах среди гор; и там всеобщая поборница, охваченная сном, дремлет три ночи (три дня).
40 Затем на третий день это смелое, храброе животное спешно пробуждается ото сна в величии. Мягкое гудение, сладостное звучание исходит из пасти дикого зверя.
45 Источается также и аромат, сопровождающий этот голос, доносящийся из того укромного места; дыхание столь превосходно, сладостно и сильно, чем любое благовоние, чем цветущие травы или цветы на деревьях, более утонченное, чем все сокровища земли.
50 Тогда со всех городов, королевских дворов и с укреплений многочисленные толпы людей, избранники Божьи, путешествующие воины, войска отправляются в спешке; животные подобно им также движутся за ароматом вслед за голосом.

Однако и на протяжении всей первой части поэмы неоднократно проводятся сюжетные отсылки к Иисусу Христу.

15 Sē is æ[g]hwām frēond,
duguða ēstig, būtan dracan ānum;
þām hē in ealle tīd andwrað leofaþ,
þurh yfla gehwylc þe hē geāfnan mæg.

15 Это животное – всем друг, любезное и благосклонное со всеми, за исключением змея-искусителя; к которому он всю жизнь относится враждебно по причине всякого зла, что он может причинить.

При описании шкуры пантеры (см. 21 строку) автор отсылает читателя к библейскому сюжету об Иосифе и его разноцветной одежде, тем самым проводя параллель между его одеянием и лоснящейся шкурой животного: þætte Iōsēphes tunese (этот цветной хитон Иосифа). Отождествление Иосифа с Христом – это обычное явление в Англосаксонских нравственно-поучительных произведениях, следовательно, сравнивая пантеру с Иосифом, неизвестный автор также усиливает параллель между пантерой и Христом [Rossi-Reder, 1999, p. 468]. Следовательно, сакральный образ

животного в первой части древнеанглийской поэмы предстает как некий образ, повествующий о жизни и смерти Господа Бога.

Обратимся к остальным частям поэмы – *The Whale* и *The Partridge*, описывающим Дьявола и грешников. Академик Ю. С. Степанов отмечает следующее: «...если черт, слово и концепт, связывает нас с глубинными пластами народной славянской культуры, то Дьявол и Сатана как культурные концепты включают нас в культуру Европы» [Степанов, 2004а, с. 886]. И далее Юрий Сергеевич пишет, что дальнейшее развитие этих концептов находит отражение в текстах художественной литературы и литературно-философской критики: 1) верховное божество и антагонист; 2) общение человека с Сатаной; 3) образ «мелкого беса», инициатора всяких увлекательных проделок; 4) образ-концепт Антихриста [Там же]. Остановим свое внимание на первой главной линии эволюции концепта, поскольку она напрямую связана с образом Дьявола в древнеанглийском бестиарии. «У верховного божества (это Зевс в античной Греции, Господь Бог в христианстве) есть антагонист, почти столь же великий и мощный, как и он сам; борьба Сатаны с Богом – вечная всемирная трагедия. Начала этого мотива прослеживаются у первого поэта Гесиода, первый трагедийный образ такого антагониста – Прометея создал в двух (или, возможно, в трех) трагедиях великий трагик Эсхил. Далее, все время в трагедийном ключе, этот мотив и образ эволюционируют сквозь века у многих великих художников слова: у Шелли, Байрона, Лермонтова, Эминеску (“Ангел и Демон”, “Лучафэр”), ранее, и в более противоречивых концептуальных конструкциях, у Кальдерона (в драме “Волшебник-чудодей”, в иных переводах “Маг-чудодей”, и др.)» [Там же].

Дьявол, представленный в образе кита во второй части поэмы, то и дело склоняет людей, отошедших от заповедей Господних, к греху. В поэме приводятся в качестве таких отступников мореплаватели, заглотанные большими челюстями кита, символизирующими ад. Интересна проводимая параллель между принятием пищи пантеры и кита. Как мы помним из предыдущего контекста, пантера вкушает свою еду спокойно и грациозно, тогда как кит, наделенный зверским аппетитом, беспрерывно поглощает души несчастных грешников. И опять, как и в первой части поэмы, описывается источаемы китом аромат, привлекающий мореплавателей, однако в этом случае грешники не могут отличить истинный запах, исходящий от пантеры, от того, что издает кит. Таким образом, контрастно представлены в поэме деяния Христа и Дьявола, их вечное противопоставление.

51 Þonne hine on holme hunger bysgað,
and þone āglæcan ætes lysteþ,
donne se mereweard mūd ontūned,
wīde weleras; cymed wynsum stenc
55 of his innoþe, þætte ðre þurh þone,
sæfisca cynn, beswicen weorðað.

51 Когда голод настагает его в море, и когда
это ужасное создание хочет что-нибудь со-
жрать, этот страж моря распахивает свою
пасть, его губы широко открыты; приятный
аромат источается
55 изнутри, да так, что другие морские рыбы

Swimmað sundhwate þær se swēta stenc
 út gewīt[e]ð. Hī þær in farað,
 unware weorude, oþþæt se wīda ceafł
 60 gefylled bið; þonne færinga
 ymbe þā herehūþe hlemmeð tōgædre
 grimme gōman. Swā biþ gumena gehwām
 se þe oflost his unwærlice,
 on þās lænan tid, līf biscēawað:
 65 læteð hine beswīcan þurh swēne stenc,
 lēasne willan, þæt hē biþ leahtrum fāh
 wið Wuldorcyning.

соблазняются им, плывя к источнику сладостного запаха. Таким неосторожным окружением они проникают туда до того момента, пока широкая пасть не будет заполнена; затем внезапно безжалостные челюсти захлопываются перед добычей.

63 Так каждый человек, кто с недостаточной заботой относится к своей жизни в мимолетном веке, кто позволяет себе соблазниться сладостным ароматом, обманчивым удовольствием, становится виновным в своих грехах пред Царем Славы.

В заключительной, третьей части поэмы *The Partridge* повествуется о том, что любой грешник может быть прощен, если обратится к Господу Богу.

5 'In swā hwylce tiid swā gē mid trēowe tō mē
 on hyge hweorfað, and gē hellfirena
 sweatra geswīcað, swā ic symle tō ēow
 mid siblufan sōna gecyrrre
 þurh milde mōd; gē bēoð mē siþþan
 10 torhte, frēadige, talade and rīmde,
 beorhte gebrōþor on bearna stæl.'

5 «Когда бы вы ни обратились мысленно ко мне, истинно веря, отказываясь от жутких греховных деяний, я сразу же обращусь к вам нежно, с любовью. После этого для меня вы будете считаться причисленным к победоносно благословенным, лучезарным братьям (и сестрам) в моей пастве».

Следовательно, в вышеприведенных частях древнеанглийской поэмы поднимается вечный вопрос о праведной жизни грешного человека: как нужно жить, чтобы не попасть в ад? Что же такое концепт *ГРЕХ*? Обратимся к словарю русской культуры Ю. С. Степанова. Концепт, по определению академика Степанова, не только мыслится, но и переживается; он представляет собой основную ячейку культуры в ментальном мире того или иного человека. Концепт является предметом эмоций, симпатий и антипатий [Степанов, 2004а, с. 43]. Следовательно, представления, размышления, переживания грешника относительно греха и степени своей собственной греховности и есть концепт *ГРЕХ*. Безусловно, осознание, принятие и искупление греха человеком зависит от глубины его религиозного просвещения.

Древнеанглийская лексема *synn* «грех», согласно этимологическому словарю [Holthausen, 1974, p. 340], трактуется следующим образом: *synn* – грех, вина; преступление, несправедливость; оскорбление, вражда, новоанглийский *sin*, древнефризский *sende*, древнесаксонский *sundae*, древневерхненемецкий *suntea*, древнеисландский *synd*, относится к древнесаксонскому и древневерхненемецкому *sunnea* – помеха, нужда, древнеисландский *syn* – отрицание, латинский *sons* – виновный.

Концепт *ГРЕХ* в англосаксонской картине мира с принятием христианства напрямую находит отражение в лексемах языка. Опираясь на словари [A Concise Anglo-Saxon Dictionary, 1916; An Anglo-Saxon dictionary; Baker,

2007], приведем основные 35 существительных, обозначающих концепт ГРЕХ. В данной статье рассматриваются только существительные, это связано с нашим исследовательским интересом в области различных наименований греха (при этом наименования греховных деяний и наименования признаков, определяющих грешников, заведомо нами исключались из исследования (это послужит материалом для следующих работ)).

Концепт ГРЕХ в англосаксонской картине мира

1	ægylt	грех, нарушение, проступок
2	bealudæd	злодеяние, грех
3	culpa	проступок, грех
4	déaþfíren	смертный грех
5	déaþscyld	преступление, караемое смертной казнью; смертный грех
6	eftforgiefnes	отпущение грехов
7	eofot	преступление, грех
8	fácen- (facnes/-)	лживость, обман
9	fácendæd	преступление, грех
10	fíren	проступок, грех, преступление
11	fírenleahter	великий грех
12	fírensynn	великий грех
13	fírenweorc	злодеяние, грех
14	frumscyld	смертный грех
15	godscyld	грех, неверие в Бога
16	gyltung	грех
17	heáfodleahter	смертный грех
18	heáhsynn	смертный грех, преступление, злой поступок
19	heáfodgylt	преступление, караемое смертной казнью; смертный грех
20	níðsynn	тяжкий грех
21	morðor	грех убийства
22	morþdæd	грех убийства, смертный грех
23	synbend	узы греха
24	synbót	наказание за грех, кара
25	synbryne	греховная страсть
26	synbyrðen	тяжесть греха
27	syndæd	греховное дело, грех
28	synleahter	греховный поступок
29	synléaw	оскорбление грехом, (душевная) рана, нанесенная грехом
30	synn	грех
31	synnlust	желание грешить
32	synrúst	обрастание грехом, язва греха
33	synwraacu	наказание за грех, кара

34	synwund	(душевная) рана, нанесенная грехом
35	wróht	злословие, грех, преступление, проступок, неправедный поступок, раздор

Итак, с принятием западного христианства в языке англосаксов появились по меньшей мере 35 существительных, отражающих концепт ГРЕХ. Приведем в качестве примера лексему *morþdæd* «грех убийства, смертный грех» (древнеанглийские контексты представлены по: [An Anglo-Saxon dictionary...]).

Hé gewenede swá hine sylfne tó heora synlicum þeáwum and tó márum morþdædum mid ðam mánfullum flocce... Swá fërde se cniht on his fraceþum dáedum and on morþdædum micclum gestrangod on orwénnyssse his ágenre hále (Ælfc. T. Grn. 17, 18–24).

Он смирился с ними, с грешными, с их смертными грехами и с тем злым обществом. Затем погрузился этот юноша в свои злодеяния и в смертный грех, но одержал победу над безысходностью и своим состоянием.

Wearþ ðes þeódscepe swýðe forsyngod... þurh morþdáda and þurh mándáda (Wulfst. 163, 21).

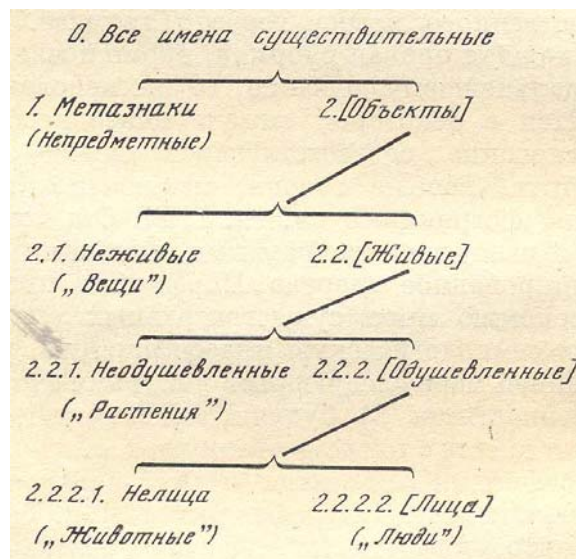
Ценность этой епитимьи в том, что грешник... с ее помощью очищается и от смертного греха и от преступления.

Следовательно, концепт ГРЕХ напрямую варьируется от глубины религиозного познания, от принятия Евангельской мудрости, вне зависимости от социального статуса грешника.

Подведем итог. Религиозная схема индивидуности, представленная в bestiариях, отличается своеобразием: страницы аллегорических рассказов повествуют о различных мифических и реально существующих животных, птицах, а также о волшебных камнях. В древнеанглийском же bestiарии схема индивидуности рассматривается сквозь призму реальных живых существ, олицетворяющих Иисуса Христа (пантера), Сатану (змея, кит), души грешников (рыбы). Заметим, что изображение Христа отличается наибольшей индивидуальностью. Так, описание пантеры представлено более детально, ее образ в древнеанглийской традиции предстает более совершенным. Описание семиотической классификации образов Христа, Сатаны и грешников представляется возможным благодаря модифицированному «дереву Порфирия», предложенному Ю. С. Степановым (см. рисунок). Дерево Порфирия представляет собой классификацию естественного мира, которая свидетельствует об увеличении степени индивидуальности объекта, по мере того как увеличивается номер рубрики (1–2.1–2.2.1) [Проскурин, 2013, с. 45].

Так, Ю. С. Степанов сформулировал кардинальное для языковой семантики следующее положение: «...родо-видовой принцип классификации (чего бы то ни было) является абстракцией отношений рода и вида в жи-

вой природе <...>. Чем больше порядковый номер группы, тем большую степень индивидуности она задает (и требует) в языке для входящих в нее имен» [Степанов, 1981, с. 76].

Семиологическая таксономия имен существительных
(см.: [Степанов, 1981])

Итак, животные, олицетворяющие Сатану и грешников, представляют собой бедные знаки, или слабую степень индивидуности, поскольку их части тела мало противопоставлены друг другу, т. е. в тексте древнеанглийского bestiaria нет детального описания их внешности, активности, способностей. Тогда как образ Сына Божьего предстает в канве текста максимально богатым знаком, заключающим в себе описание и внешности, и активности, и способностей пантеры. Следовательно, изображение Иисуса Христа ярко противопоставлено изображению Дьявола, что является следствием развитой христианской традиции древнеанглийского периода.

Список литературы

- Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации: латинский Запад и православный Восток. М.: Ладомир, 2007. 304 с.
Библия / Рос. Библейское об-во, 2008. 1296, XXXII с.

Проскурин С. Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 216 с.

Проскурин С. Г. Курс семиотики. Язык, культура, право: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. 226 с.

Проскурин С. Г., Центнер А. С. К предыстории письменной культуры: архаическая семиотика индоевропейцев: Материалы к курсу «Древнегерманская культура и письменность». 2-е изд., испр. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2014. 196 с.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Жанр тулы в аспекте передачи информации (на материале рукописей «Англосаксонской хроники» и древнеанглийской поэмы «Видсид») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7-2. С. 164–167.

Проскурина А. В. Жанр тулы как способ передачи семантической информации во времени и в пространстве (на материале «Англосаксонской хроники») // Критика и семиотика. 2013. № 2/19. С. 85–94.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004а. 992 с.

Степанов Ю. С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004б. 264 с.

Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.

Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства / Пер. с фр. Н. Б. Абалаковой, С. Г. Балашовой, Н. Н. Кулаковой, А. А. Старостиной. 2-е изд. М.: Академический проект, 2009. 676 с.

Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В. П. Большакова. 4-е изд. М.: Академический проект, 2010. 251 с.

Юрченко А. Г. Александрийский «Физиолог». Зоологическая мистерия. СПб.: Евразия, 2001. 448 с.

A Concise Anglo-Saxon Dictionary / John R. Clark Hall, 2nd ed., 1916. URL: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_clarkhall_about.html (дата обращения 18.03.2017).

An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_bosworthtoller.html (дата обращения 18.03.2017).

Baker P. S. Introduction to Old English. Malden, MA: Blackwell Publ., 2007. 416 p.

Crystal D. The Stories of English. L.: Penguin books, 2004. 565 p.

Dines I. A French modeled English bestiary: Wormsley Library MS BM 3747 // Mediaevistik. 2007. Vol. 20. P. 37–47.

Grimm J. Deutsche Mythologie. Göttingen, 1844–1854. Bd. 1, 2.

Holthausen F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1974. 428 S.

Kay S. 'The English bestiary', the continental 'Physiologus', and the intersections between them // *MEDIUM ÆVUM*. 2016. Vol. LXXXV, no. I. P. 118–142.

Old English shorter poems / Ed. and transl. by Ch. A. Jones. Harvard University Press, 2012.

Rossi-Reder A. Beasts and baptism: a new perspective on the Old English Physiologus // *Neophilologus*. 1999. Vol. 83. P. 461–477.

The Anglo-Saxon Chronicle: An Electronic Edition (Vol. 5) literary edition. URL: <http://asc.jebbo.co.uk/bb-L.html> (дата обращения 18.03.2017).

Article metadata

Title: Religious concepts in the Old English tradition

Author: A. V. Proskurina

Author's e-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

Author affiliation: Novosibirsk State Technical University

Abstract. The paper highlights the issues of acceptance of Occidental Christianity by Anglo-Saxons and as a result it caused the change of their religious worldview. So, the author indicates that the transfer of information, which excludes pagan connotations, has an influence on a choice of a word *cross* in the Anglo-Saxon Christian culture. However, belief in pagan deities wasn't damaged under the influence of evangelization, and the reference to widely revered god Woden indicates it. The article also shows that the Old English bestiary, unlike the other bestiaries, does not represent a vast description of various living and nonliving creatures, but it retains the main message of the Physiologist – a description of the kind of living / non-living creature from the point of view of Christian morality. The unknown author translated a fragment of the Latin translation into Old English, which came to our days as part of a poetic collection of the 10th century The Exeter Book. This translation includes the following three poems (or, as it is also considered, this is one poem consisting of three parts): 'The Panther', personifying Christ, 'The Whale', represented as the image of the Devil, and 'The Partridge'. In the first part of this poetic text Christ is represented in the form of a panther, the second part sheds light on the image of the Devil which is described as a whale, and, as in the third part, sinners and their further fate are mentioned. The choice of these living creatures by the unknown poet was not accidental, because they represent the inhabitants of the three elements created by God: the earth (panther), water (whale), air (bird). Three parts of one poem symbolize the death of Christ in the salvation of people and His resurrection. So, in 'The Panther' it is symbolically told about the death of Christ, His descent into Hell and resurrection from the dead. The part of 'The Whale' tells us about the souls of sinners who fall into Hell. The final part of the poem 'The Partridge' describes the day of the Last Judgment, when the souls of sinners and the righteous will appear before God. In conclusion of the article the author

shows that the religious scheme of the individuality which is represented in bestiaries is distinct: the pages of allegorical stories tell us about different mythical and real animals, birds, and also about magic stones. In the Old English bestiary, however, the scheme of the individuality is viewed through the prism of real living creatures personifying Jesus Christ (panther), Satan (serpent, whale), and the souls of sinners (fish). Let us note that the image of Christ is the most individual. Thus, the description of the panther is presented in more details; this image in the Old English tradition appears more perfect.

Key terms: Anglo-Saxons, Christianity, sin, concept, belief, bestiary, Jesus Christ, Satan.

Reference literature (in transliteration):

Andreeva L. A. Sakralizatsiia vlasti v istorii khristianskoi tsivilizatsii: Latinskii Zapad i pravoslavnyi Vostok [Sacralization power in the history of Christian civilization: the Latin West and the Orthodox East]. Moscow: Ladomir, 2007, 304.

Bibliya [The Bible]. Ros. Bibleyskoe o-vo, 2008. 1296, XXXII p.

Proskurin S. G. Drevneangliiskaia prostranstvennaia leksika konceptualizirovannykh oblastei. Diss. kand. filol. nauk [Old English spatial lexis of conceptualized domains. Cand. filol. Sci. Diss.]. Moscow, 1990, 216.

Proskurin S. G. Kurs semiotiki. Yazyk, kul'tura, pravo [Course of semiotics. Language, culture, law]. Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 2013. 226 p.

Proskurin S. G., Tsentner A. S. K predystorii pis'mennoy kul'tury: arkhaicheskaya semiotika indoevropyetsev [To the prehistory of written culture. Archaic semiotics of Indo-Europeans]. Novosib. gos. un-t. 2-e izd., ispr. Novosibirsk: RINTs NGU, 2014. 196 p.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Zhanr tuly v aspekte peredachi informatsii (na materiale rukopisei "Anglosaksonskoi khroniki" i drevneangliiskoi poemy "Vidsid") [Genre of tula in the aspect of information transfer (by the material of manuscripts "The Anglo-Saxon Chronicle" and the Old English poem "Widsith")] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences of Theory and Practice, no. №7-2 (2014): 164–167.

Proskurina A. V. Zhanr tuly kak sposob peredachi semanticheskoi informatsii vo vremeni i v prostranstve (na materiale "Anglosaksonskoi khroniki") [Genre of tula as a way to transfer the semantic information in time and space (based on the Anglo-Saxon Chronicle)] // Kritika i Semiotika – Critique and semiotics, no. № 2/19 (2013): 85–94.

Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoi kultury (3-e izd, ispr. i dop) [Dictionary of Russian culture]. Moscow: Akad. proekt, 2004 (a), 992 p.

Stepanov Yu. S. Protey: Ocherki khaoticheskoy evolyutsii [Proteus: Essays of chaotic evolution] M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004 (b). 264 p.

Stepanov Yu. S. Imena, predikaty, predlozheniya (semiologicheskaya grammatika) [Names, predicates, sentences (semiological grammar)]. M.: Nauka, 1981. 360 p.

Eliade M. Istoriia very i religioznykh idei: ot Gautamy Buddy do triumfa khristianstva (per. s fr. N. B. Abalakovoi, S. G. Balashovoi, N. N. Kulakovoi, A. A. Starostinovi) (Izd. 2-e) [History of Faith and Religious Ideas: From Gautama Buddha to the Triumph of Christianity]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 676.

Eliade M. Aspekty mifa (per. s fr. V. P. Bol'shakova) (Izd 4-e) [Aspects du mythe]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2010. 251.

Yurchenko A. G. Aleksandriyskiy «Fiziolog». Zoologicheskaya misteriya [The Physiologus from Alexandria. Zoological mystery]. Spb.: Evraziya, 2001. 448 p.

A Concise Anglo-Saxon Dictionary / John R. Clark Hall, Second Edition, 1916. At: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_clarkhall_about.html (accessed: 18.03.2017).

An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. At: http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_bosworthtoller.html (accessed: 18.03.2017).

Baker, Peter S. Introduction to Old English – Malden, MA: Blackwell Pub., 2007, 416.

Grimm, J. Deutsche Mythologie. – Göttingen, 1844–1854. Bd. 1, 2.

Holthausen, F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1974. S. 428.

Crystal, D. The Stories of English. – L.: Penguin books, 2004, 565.

The Anglo-Saxon Chronicle : An Electronic Edition (Vol. 5) literary edition. At: <http://pasc.jebbo.co.uk/bb-L.html> (accessed: 18.03.2017).

Dines I. A French modeled English bestiary: Wormsley Library MS BM 3747. *Mediaevistik* 20, 2007, pp. 37-47.

Kay S. 'The English bestiary', the continental 'Physiologus', and the intersections between them. *MEDIUM ÆVUM*, 2016, vol. LXXXV, no. I, pp. 118–142. c

Old English shorter poems / edited and translated by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012.

Rossi-Reder A. Beasts and baptism: a new perspective on the Old English Physiologus. *Neophilologus* 83, 1999, pp. 461–477.